

Из книги «ЛИСТВА»

***
Ручей спускается в низину,
По склону белому змеяется.
Опять пишу про то, как зиму
Хоронит мартовская грязь.

Под плеск и цоканье капели
Влетают в записи мои
Скворцы, которые запели
Над чернотой полыни.

Опять пишу тебе про то, как
Пушок на вербе серебрист,
Как в рыжей хлещущей протоке
Кружится прошлогодний лист.

Как, вся в предчувствии апреля,
Взбухает ивовая пlettъ.
Искусством вешней акварели
Я вновь пытаюсь овладеть.

Запечатлеть в просветах синих
Последний робкий снеговей,

Зеленые стволы осинок
И розоватость их ветвей.

Не первый год живу на свете,
Но вот уже который раз
Гляжу на превращенья эти,
А все не отрываю глаз.

Если б он тогда не ранним летом
Был рожден, а в снежном феврале,
Выюги отступили бы при этом
И теплее стало на земле.

Если б день дуэли не зимою
Был назначен, а в разгар тепла,
Стужа бы дыхание земное
В этот миг мучительно свела.

В январе в Михайловском при свечке
Вдруг слепящим зноем обдает,
А в июне вдоль по Черной речке
Проплывает белый-белый лед.

**Яков
ХЕЛЕМСКИЙ**

Мирза ТУРСУН-ЗАДЕ

Весь на свету, над оркестровой ямой,
Как над обрывом,

глядя в темный зал,
Таджик на древнем языке Хайама
Сегодняшнюю лирику читал.
Он сам оркестром был и дирижером,
Всех одарял он, истинный артист.
Лилась газель с таинственным повтором
— Хамина кофист?

Как в музыке, где каждый — переводчик
Созвучий на язык души своей,
Чужой словарь, глубины этих строчек
Я постигал все легче, все смелей.
Мне открывался в душанбинском зале
Их щедрый смысл, необоримо чист.
— Чего еще? — редифы вопрошали.
— Хамина кофист?

— Чего еще желаешь ты? Потребуй
Я — твой. Я рядом. Вот мое плечо.

Ты слышишь? Для меня насыщней хлеба
Веления твои. Чего еще? — Читал актер. Все было в этом чтенье —
Карная рев, и птичий пересвист,
И вспышки света, и ночные тени.
— Хамина кофист?

Вобрал вопрос тысячеликий этот
Восторг и боль, надежду и мольбу.
Так спрашивают, не страшась ответа,
Пространство, время, женщину, судьбу.
Все совершивший, ко всему готовый,
Тверд, как алмаз, и трепетен, как лист,
Взвыл влюбленный, ждал тревоги новой!
— Хамина кофист?

Памяти Александра ЯШИНА

Зной и ветер. Синева и хмурь.

Лето. А дожди идут осенние.
Может, все из-за магнитных бурь?
Может, очень злое излучение?

Есть примета — високосный год...
Вот опять ровесника утратили.
Словно беспощадный артиллера
Вновь обрушен давним неприятелем.

Что примета! Верь в нее, не верь,
Как поверить в эту гибель раннюю?
Все болней немирный счет потерь,
Каждое прямое попадание.

Провожаем сверстника. Скорбим.
Говорим: — Солдатом был воистину!
Жил тревожно. Был необходим.
И любил и умирал воинственно.

А любил Бобришный свой угор,
И стихи, и правду, пусть колючую,
И грешил, безгрешным не в укор,
Сроду не исца благополучия.

Был неровен. Чуткий и крутой,
Схожий с этим летом, неустроенный,
Обжигал нелегкой добротой
И дружил и покорял по-своему.

Покорял, как вологодский бор,
Северной отходчивой суровостью.
К Юг-реке, на тихий свой угор
Он вернулся со спокойной совестью.

ЭТО МОЙ ОТЦОВСКИЙ КРАЙ!

**Леонид
КАРАТАЕВ**

Иду
По дороге — встречи,
речи.
Через час — твое крыльцо...
По дороге — ветер,
вечер,
ветер с вечером в лицо.
Поле стало белым-белым,
за день стежки замело...
А за полем,
за метелью
ждет меня в селе тепло.
И спешу.
В поту рубаха.
С каждым метром тверже шаг...
А снегок скрипит,
как сахар,
усынишки на зубах.

Сугробы на улице

Сослуживцам-стройбатовцам

Сугробы на улице длинные-длинные.
Зима не дает ни денека поскучать.
Метет, завалило трамвайные линии.
И нам эти линии вновь расчищаты!
Вручили лопаты, идем через скверик,
мы к полдню должны, несмотря на мороз,
пробиться с трудом, словно Чкалов в Америку,
к домам, что стоят у высоких берез.
Неплохо, что взяли с собой плащ-палатки!

Теперь — никакая пурга не страшит...
И пусть хоть до ночи прятнется схватка,
мы в город проблемся!
И он зашумит.
Польются из окон девичьи приветы.
Везет нам!
Отличная служба дана:
воюем со снегом, с распутицей,
с ветром...

А если все тихо,

то строим дома.

Скажите откровенно:
почему? —
Рассказывает мальчик конопатый —
приснилось кареглазому,

ему, что он летел к планетам космонавтом.
Прошел благополучно небосклон,
преграды одолев в тумане куцем...
Но, не дослушав этот чудный сон,
прервали мальчугана
и смеются.

А я вспомнил черный дым,
когда наш город бедственно маячил,
а я по минным улицам бродил,
не верящий в беду

одесский мальчик.

Нам хлеба выдавали по куску.

Но им ли прокормить детей

и взрослых?

И мама,

мама в прелую муку
все подсыпала молотой березки.
Хлеб черным был,
как всханная степь.

Я ел его,
кормил сестриц-малышек,
а ночью снился белый-белый хлеб...

Я неизменно верю в сны мальчишек!

Каравай

Мчится вдаль
через овраг
речка небольшая.

А вдоль речки,
в деревнях,
любыят каравай.

Это мой отцовский край!
Щедрое раздолье...

А спеченный каравай

пахнет,

словно поле

после вспашки,

на заре.

И на вид —

красивый!

Он настоен на добре

и красе России.

И хмельной,

как на пиру,

улыбаясь людям,

я с отцовских рук беру

каравай,

как чудо!

Слышу в нем тепло и грусть...

И сквозь снег

и ветер —

все тянутся к нему,

тянуться,

как былинка к свету.